

Р о с с и й с к и й
М у з Е У М ъ.
№ 5.

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я.

Къ Лицинию.

(Съ Latinageo.)

Лициній! зришь ли ты? на быстрой ко-
лесницѣ,
Увѣнчанъ лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развались Вешулій молодой,
Въ толпу народную лепиши по московой.
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ усердано спину
клоняшь,
Какъ Ликторовъ полки народъ нещастной го-
няшь,
Льспецовъ, Сенаторовъ, прелестницѣ длинной
рядъ,
Съ покорностю ему умильный менушъ взглядъ,
Ждущъ въ шайномъ ширепешъ улыбку, глазъ
движенья
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя и спарцы съ сѣдиной
Спремяются всѣ за нимъ и взоромъ и душой,
И даже слѣдъ колесъ въ грязи напечатлѣнной
Какъ нѣкій памятникъ имъ кажешся священной.
О Ромуловъ народъ! предъ кѣмъ ты падъ-
во прахъ?

№ 5.

И

Предъ кѣмъ воочувствовалъ въ душѣ споль
низкой страхъ?

Квирины гордые подъ иго преклонились!

Кому же, о Небеса! кому порабошились?

Скажу ль, Лицинию! — Опічизнѣ спыдъ моей,
Развратной юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей,
Любимецъ Деспота Сенаторъ слабымъ правилъ,
На Римъ просперъ яремъ отечества безсл-
випъ!

Вешулай, Римлянъ Царь! . . . О срамъ! о вре-
мена!

Или вселенная на гибель предана?

Но кто подъ портикомъ съ руками за
спиною,
Бѣ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою,
Поникнувъ головой, нахмутившись идетъ?
Не ошибаюсь я, Философъ то Дамешъ.
Дамешъ! куда, скажи въ одеждаѣ споль убогой
Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?
— Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить ужъ болѣ не хочу;
Япетовыхъ дѣлъ пороки, злобу вижу,
Навѣкъ осинавлю Римъ: я людства ненавижу. —

Лициний, добрый другъ! лучше ли и
намъ,
Опдавъ поклонъ мечѣ, форшунѣ, суевамъ,
Сѣдаго Стоика примѣромъ научишься?
Не лучше ль поскорѣй со градомъ разпроспишься,
Гдѣ все на опкупѣ: законы, правопа,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Другихъ неопытныхъ въ любовну ловиши сѣть,
Намъ спыдно слабости съ морщинами имѣши.
Лепитъ опъ спарика любовь въ толпѣ ве-
селій! . . .

Пускай безстыдной Клипъ, Вельможей рабъ
Корнелій,

Оставя ложе сна съ запѣвшимъ пѣшухомъ,
Ошь знапныхъ къ богачамъ бѣгушъ изъ дома
въ домъ;

Я сердцемъ Римляинъ, кипитъ въ груди сво-
бода,

Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.

Лициній поспѣшимъ далеко отъ забошъ,
Безумныхъ гордецовъ, обманчивыхъ красопъ,
Докучныхъ Ришоровъ, Парнасскихъ Героспра-
шовъ;

Въ деревню пренесемъ опеческихъ пѣнатовъ.

Въ іпѣнистой рощицѣ, на берегу морскомъ

Найши не трудно намъ красивый, свѣплый
домъ,

Гдѣ больше не спрашась народнаго волненія,
Подъ спароспѣ отдохнемъ въ пиши уединенія,

И шамъ разположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламеннымъ возженнымъ въ комелькѣ,

Воспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіяломъ,
Свой духъ воспламеню Пепрономъ, Ювеналомъ,

Въ гремящей сапирѣ порокъ изображу,

И нравы сихъ вѣковъ попомспиву обнажу. —

О Римъ! о гордый край разврата, зло-
дѣянія,

Придепь ужасной день, день мщенія, нака-
занія;

Предвижу грознаго величія конецъ,

Паденія, паденія во прахъ вселенныя вѣнецъ!

Народы дикіе, сыны свирѣпой браны,
Войны ужасной мечь пріявъ въ кровавыѣ длані,

И горы и моря оставяшъ за собой,

И хлынувшъ на шебя кипящую рѣкую.

Изчезнешь Римъ — его покроешъ мракъ глубокой,

И пушникъ обращивъ на груды камней око,

И 2

Речеши задумавши съ мечтаньяхъ углубленъ:
 „Свободой Римъ возросъ — а рабствомъ погубленъ!“

1. . . 17 — 14.

1.

С т а н с ы.

Можно лъ въ жизни молодой
 Сердце мучиши лживой пѣнью:
 Нѣпъ, счишай *месту местой*,
 Оспальное жь Провидѣнью!

Въ бурю, въ легкомъ членокѣ,
 Окруженій шучи мглою,
 Плыть младенецъ по рѣкѣ
 И несло членокъ волною!

Буря вкругъ него кипитъ —
 Челнъ ужасно колыхаетъ —
 Беззабошно онъ сидишъ
 И весломъ своимъ играешъ.

Волны брыжжупъ на членокъ —
 Онъ веселыми глазами
 Смопришъ, бросивъ въ нихъ цвѣшокъ,
 Какъ цвѣшокъ кружишъ волнами.

Чолнъ, ударясь у бреговъ
 Объ ушесы, развалился,
 И на брегѣ межъ цвѣшовъ
 Мореходецъ очутился.

Чолнъ забыши! . . . А гибель, страхъ?
 Ихъ невинность и не знаешъ!
 Улыбаясь, на цвѣшахъ
 Мой младенецъ засыпаешъ!